



А. И.
ЭРТЕЛЬ



Александр Иванович Эртель

Жадный мужик

В сборник писателя-демократа Александра Ивановича Эртеля вошли повести "Карьера Струкова", "Две пары", "Повесть о жадном мужике", "Волхонская барышня", которые отразили назревание народной революции.

Л.Н.Толстой писал: "Для того, кто любит народ, чтение Эртеля большое удовольствие".

Содержание

I	.0004
II	.0007
III	.0010
IV	.0016
V	.0020
VI	.0024
VII	.0027
VIII	.0031
IX	.0034
X	.0036
XI	.0041
XII	.0044
XIII	.0047
XIV	.0050
XV	.0055
XVI	.0057
XVII	.0061
XVIII	.0066
XIX	.0069
XX	.0072
XXI	.0075
XXII	.0077
XXIII	.0079
Примечания	.0081

В Орловской губернии есть село Большие Ключи. Тому назад лет тридцать, еще при господах, жили в этом селе три брата: Иван, Онисим да Ермил. Барин их проживал в чужих краях, мужиков не отягощал, и сидели у него мужики на оброке, высылали барину каждый покров по десяти рублей с тягла. Старший брат Иван да средний Онисим были женаты и уже имели детей: Онисим двоих имел детей, Иван — троих; меньшей брат Ермил был еще подросток. Хозяйство у братьев велось исправное, но не зажиточное. Мужики они были непьющие и на работу завистливые: выйдут, бывало, косить — за троих управляются. Но как было у них много едоков, а Ермил по своим малым годам за мужицкую работу еще не принимался, то и не было большого избытка в их хозяйстве. Обходились своим хлебом, пахать выезжали в две сохи; в стадо выгоняли бабы корову да подтелка, да четыре овцы; оброк о покрове выправляли аккуратно. Избытка же не было.

Только сделалась в России война. Пришел

француз, пришел англичанин, с туркой и с итальянцем, обложили русский город Севастополь и побили много народу. Не хватило солдат у царя, велел он собирать ратников. Дошел черед и до села Больших Ключей, пришлось идти Онисиму в ратники. Пошел он, захворал в походе, — похода еще не кончил, помер от горячки. Он помер, ратничиха с сиротами осталась у Ивана, и стало Ивану очень трудно. Взялся Ермил за косу, начал привыкать помаленьку, и подумал Иван: женим малого, посадим на тягло, извернемся как-нибудь. Хотел женить, а тут случился плохой год; ударили поздние морозы, охватили рожь на цвету; летом пришла на горох вошь, горячие ветры овес пожгли. Пришлось убирать мужикам одну солому. Еще труднее стало братьям.

Тем временем у барина появились свои заботы. Пришло письмо от барина, погнажи добавочный оброк по шести рублей с тягла. Староста повадился ходить к Ивану чуть не каждый день, ходит, посошком постукивает, зудит. И заскучал Иван: стыдно ему стало перед людьми за свою бедность.

Вот сели обедать, Иван и говорит Ермилу:

— Иди, Ермил, к купцу в работники. Возьмем задаток, извернемся как-нибудь. А я, как-никак, оборочусь один: может, в извоз съезжу, может, поденщина какая навернется.

Ермил покряхтел, почесал в голове, почесал вокруг поясицы и говорит брату:

— Дело-то непривычное в работниках. Кто ее знает, как оно там... Порядки, гляди, не нашенские: какой ногой ступить, где стать, где сесть...

Однако подумали-подумали — собрался Ермил, выправил себе билет у приказчика, пошел в город. И такое ему вышло счастье, что сразу нанял его купец и выдал вперед двенадцать рублей. Откупился Иван от старосты.

И попался Ермилу купец добрый. Ругаться не ругается, работой не неволит, харчей дает вволю, а по праздникам и водки подносит. Полюбилось Ермилу такое житье. Малый он был проворный, сметливый, и стал он мало-помалу приглядываться.

Увидит на первый раз, что купец уважает чистоту: двор у него большой, мощный, навезут мужики хлеб с базара, натаскают навозу, насорят зерном, — Ермил возьмет метлу да все чисто-начисто и подметет. Подымется метель, повалит снег, навеет вьюга сугробы — Ермил возьмет в руку лопату, да и сгребет снег к сторонке. А купец пройдет мимо, ухмыльнется, погладит бороду и скажет Ермилу:

— Старайся, старайся, парень, труды твои за мной не пропадут.

И еще видит Ермил, что купец любит почет; любит, чтоб с ним обходились вежливо, кланялись бы ему низко. Бывало так: назовет его какой-нибудь человек вашим степенством, поклонится ему, и купец рад — и всячески отличает такого человека. Ермил тоже стал приноравливаться: начал хозяина величать, шапку перед ним скидать — сам кланяется, а лицо оказывает веселое, точно ему великий праздник хозяина своего видеть. И купец очень был доволен Ермилом.

И еще видит Ермил — ссыпает купец у мужиков хлеб, и как какой молодец озорнее поступает с мужиками, как ежели поход на весах выходит у него больше против других молодцов — так тот молодец приятней купцу, и случается, что купец выдает ему награждение. И носят такие молодцы одежду из тонкого сукна, сапоги на них хорошие, вытяжки, живут весело, всегда с деньгами. Ермил, не будь плох, и говорит купцу:

— Сем-ка я, ваше степенство, попытаюсь. Я к этому делу присмотрелся.

Согласился купец и остался очень доволен Ермиловой ссыпкой. С мужиками Ермил зуб

за зуб; ежели ссыпка на меру идет — в мере зерно кулаком утаптывает, греблом о бока поколачивает, сгребает с хитростью все больше около краев, а середка горбом стоит; ежели ссыпка на вес — Ермил промеж весов вертится, пальцем за стрелку цепляет, норовит доску с гирями ногой подтянуть. Мужики только головами крутят.

— Ну, уж пёс у тебя этот парень, — говорят купцу.

А купец притворяется, будто не его дело. Сам же примечает за Ермилом и радуется. И призывает его один раз к себе в горницы и говорит:

— Вижу твою ухватку, Ермил. Труды твои за мной не пропадут. — И тут же подносит ему стакан водки, а сам вытаскивает из кошелька пятишницу и говорит: — Это тебе за твои труды награждение. Старайся.

Обрадовался Ермил. Купил себе рукавицы замшевые, справил поддевку тонкого сукна и еще больше начал угождать хозяину.

И стал купец сажать его с собой вместо кучера. Поедет к господам хлеб скупать — и Ермил с ним; поедет по базарам ссыпку делать — и Ермил с ним. Не нахвалится купец Ермилом. Кули набивает, подводы нанимает, мерой гремит — вся ухватка молодцовская, совсем на мужика стал не похож.

Вот раз едут они дорогой. Небо белое, поле белое, по дороге вешки натыканы, полозья визжат по морозу. Скучно сделалось купцу, и завел он разговор с Ермилом.

— Вот, — говорит, — Ермил, купили мы с тобой две тысячи кулей овса. Купили дешево, а продадим дорого. Смотри сюда, — и показывает ему на пальцах, — цена в покупке девять гривен серебра, амбар ляжет пятачок на куль; кули три денежки с пуда: девять копеек; до Москвы переправить: четвертак с пуда, за куль — полтора целковых. Сколько выйдет, по-твоему?

Смекнул Ермил, и говорит:

— По-моему, выходит девять рублей без гривны, ваше степенство.

— Дурак! Кто нынче на ассигнации считает? Смекни на серебро.

Подумал Ермил, и вышло у него на серебро два рубля пятьдесят четыре копейки за куль. Сказал он так, да тут же и притворился, чтобы польстить купцу:

— Конечно, мы люди темные, вашему степенству лучше знать, вашему уму виднее.

Купец совсем размяк от этих слов. Погладил бороду, шубой запахнулся, и еще больше стал ему люб Ермил. И показывает он ему письмо.

— Вот, гляди, — говорит, — Ермил, парень ты тямкой, одна твоя беда: грамоте не смыслишь. А я учен грамоте. Потому — ты мужик и отцы твои, может, пням богу молились, а у меня и отец купец, и дед купец, и сам я купец, по третьей гильдии. И потому мне грамота нужна. Вот в самом этом письме из Москвы пишут: цена на овес стоит сильная — три рубля серебром за куль; а коли овинный, то и набавят. Понял?

— Понял, — говорит Ермил, а у самого так и мелькает в мыслях: сколько же лишков получит купец? И смекнул, что лишков будет на

каждый куль сорок шесть копеек, потому овес больше всемужицкий, сыромолотый. И, смекнувши, говорит:

— Лишков на каждый куль сорок шесть копеек выходит, ваше степенство.

— Лишков! Это барыш, малый, а не лишки. А сочти теперь, сколько всего перепадет на мою долю от двух тысяч кулей.

Не сосчитал Ермил, сбился. Купец засмеялся и говорит:

— Девятьсот двадцать целковых, дурашка ты эдакая! — И захотелось ему побахвалиться пред Ермилом. Вынул он бумажник, развернул и говорит:

— Гляди, тут всего семьсот рублевок одних. Так ежели вот доложить к этой куче еще две сотенных бумажки, — это и будет мой барыш на овес. Понял?

Покосился Ермил, видит — бумажник у купца так и распух от денег, словно подушка какая набита.

— Понял, — говорит, а у самого так сердце и загорелось от жадности.

— Вот то-то. Сказано — ученье свет, а неученье тьма, так оно и выходит. Ну-ка, ма-

лый, хлестни пегушку-то, чего она, шельма, постромки опустила.

Вздохнул Ермил, погнал лошадей.

И стал с этих пор скучать Ермил. Возьмет ли метлу в руки, примется ли жеребца хозяйского чистить; начнет ли сугробы сгребать — не лежит его душа к работе. Поужинает, ляжет спать на печь, и тепло ему и сытно, а не спокойно у него в мыслях. Представляется ему — едут они с купцом по дороге, поле белое, небо белое; полозья визжат, вешки по сторонам натыканы, а купец запахнул шубу, и из-за шубы бумажник у него оттопырился. Люди храп подымут, на дворе петухи закричат, в соборе к утрене ударят, а Ермил все вертится с бока на бок. Прежде разъелся он на хозяйских харчах: щеки отдулись, шея стала как у борова, кафтан, что захватил из дома, — не сходится: станет застегивать — петли трещат. А тут дело подошло — отоцал он от своих мыслей, из лица стал темный, глаза ввалились. Никак не одолеет своей жадности. А поглядит на купеческую жизнь — еще больше разжигает его зависть. Утром встанет купец, обрядится, взденет лисью шубу и пойдет к

обедне. Домой воротится — самовар у него на столе; пироги пшеничные, лепешки сдобные. Жена разрядится, ковровый платок распустит по плечам, сидит, чаек попивает; щеки красные, сама рыхлая, толстая, так и разваливается, как малина. Наестся купец, напьется, отвалится от стола и пойдет в ряды на прогулку. Соберутся купцы в рядах, учнут шутки шутить, зазовут для потехи дурачка какого-нибудь, заставят его песни играть, плясать, — сами так и надрываются со смеху. Не то — в трактир пойдут чай пить, о торговых своих делах толкуют. Придет купец домой, — уж на столе и жареное и вареное. И гусятина каждый день, и щи с убоиной, и каша с маслом, и водка, и квас. После обеда ляжет купец с женой на пуховики и спит вплоть до вечера. Выспится — за ворота выйдет, орехи начнет щелкать. Кто не пройдет мимо — поклон ему отдаст.

Тем временем колесо идет своим порядком. Мужики хлеб привозят; молодцы ссыпают, ругаются с мужиками, кули набивают. Ермил иголкой да суровыми нитками все себе руки намозолил. Ссыпка спешная, горячая.

Обозы чуть не каждый день купеческий хлеб
в Москву отволакивают.

И видит Ермил — все колесо держится грамотой, чужими людьми да деньгами. Подумал, подумал он: «Дай, — говорит, — грамоте научусь, не обсевок я какой-нибудь на самом деле». И услышал, что живет в слободе такой человек, — обучает грамоте и счету. Выбрал Ермил праздничное время, отпросился у хозяина будто к сапожнику за сапогами и пошел в слободу. И долго искал того человека. Жил он у мужика на задворках; кругом избушки сугробы намело; окошки крохотные, в дверь пролезать — скрючиться надо. Вошел Ермил в сенцы, обмел сапоги, взялся за кольцо, и вдруг ему стало стыдно: как это такой большой малый и вздумал грамоте учиться; не засмеял бы его этот человек!

Однако справился, виски пригладил, дернул за кольцо, вошел. И видит — сидит на лавке немолодой человек, обряжен в чистую рубаху, из себя костлявый, сморщенный, сидит и в книжку смотрит.

— Здоров будешь, — говорит Ермил, а у самого в глотке пересохло от страха. Оторвался

человек от книжки, посмотрел на Ермила. И по глазам увидел Ермил, что человек тот мягкий, милостивый, не станет над ним смеяться, и сразу сделалось ему ловко. Рассказал он свое горе. И как сказал, что желает грамоте научиться, — просветлел тот человек, обрадовался, не знает где посадить ему Ермила; а как сказал Ермил, на что ему грамота нужна, понял человек, какая жадность одолевает Ермила, и запечалился.

— Ты уж сделай милость — научи, милый человек, — говорит Ермил, — я тебе не токмо — по гроб жизни буду благодарен.

Молчит человек, глядит в землю.

— Ты уж не сомневайся, — говорит Ермил, — труды твои за мной не пропадут. Как-никак — отплачу тебе.

Поднял человек глаза и заговорил. И видит Ермил — совсем перед ним другой человек: голос строгий, из лица пасмурен.

— Не от бога, — говорит, — твоя охота к учению, но от дьявола. Бог вложил в тебя понятие и дал разум. Но ежели ты захотел учиться ради наживы, ежели ты раззарился на сладкое житье и хочешь подражать куп-

цам, — это не от бога, но от дьявола. Грамота не на то дана, чтобы душу погубить, но чтоб спасти.

— Эка, голова, при деньгах и спастись легче, — со смешком говорил Ермил, а самого зло берет на человека, — ты гляди, наш хозяин каждый день к обедне ходит, свечки ставит, по четвертаку за свечку, колокол справил в собор.

Покачал человек головой на эти слова, насутился, развернул книжку и прочитал Ермилу: «Увидел Христос богатых, клавших дары свои в сокровищницу. Увидел также и бедную вдову, положившую две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила, ибо все от избытка своего положили в дар богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, которое имела».

Ермил в одно ухо слушал, в другое выпускал; очень уж его разбирала досада на человека, и говорит:

— Ты вот что, нечего тут с тобой толковать: мне еще жеребца хозяйского надо напоить, хочешь целковый за учебу?

— Мне денег твоих не надо, — говорит человек, — подумаешь, отстанешь от своей жадности — даром выучу. — И опять сказал: — Грамота не дана, чтобы погубить душу, но спасти.

— Да чудак ты, ежели не по торговой части, на что она мне, грамота-то, твоя! Я в мужиках и без грамоты цеп-то в руках удержу. Мне счастье свое хочется найти, талант.

— Иной и талант на погибель, — сказал человек.

Осерчал Ермил, не стал слушать человека, нахлобучил шапку, хлопнул дверью, изругался и пошел ко двору.

И на его счастье, взялся один приказчик научить его. Сбежал украдкой Ермил на базар, купил азбуку, выстрогал указку; отслужили они с приказчиком молебен святому Науму; сходили для начала в трактир, и засел Ермил. И учился он от людей тайком, крадучись, чтобы люди не смеялись над ним: вот, мол, какой здоровый малый за азами убивается. Люди спать, а он в книжку глядит; люди за ворота пойдут, а он забьется в конюшню, склады твердит. И так ему далась грамота, что не прошел еще великий пост, а уж он печатное стал разбирать, начал понимать, что если цифрами обозначено; на бумаге мог пером слова выводить.

А дела его шли своим порядком: то снег счищает, то хлеб ссыпает, то кули зашивает; и купец его не забывал: когда рублевку даст, когда две. Справил Ермил себе весь обряд, а про брата Ивана и думать забыл. Посылал ему, что причиталось с договоренного. Когда полтинник пошлет, когда четвертак. Село было далеко, за сорок верст. Мужики ездили в

город редко, разве нужда какая пристигнет. С ними и посылал Ермил деньги брату Ивану.

Только на святой пришел в город Иван. Отощал за зиму; кафтан на нем с заплатами, онучи веревками обмотаны. Посмотрел, посмотрел, видит — Ермил в поддевке тонкого сукна, рубаха на нем французская, портки плисовые, сапоги вытяжные. И прискорбно показалось это Ивану.

— Ты бы, — говорит, — Ермил, поопасался маленько. Мы за зиму-то бились, бились. Телку на муке стравили, и телки не хватило, одежку заложили. Извоза не было, скотинка отоцала. Теперь вот овса на семена надо купить, а ты форсишь.

— Что ж, форсишь! — говорит Ермил. — Зажитые которые я тебе отсылал. Да пятишница за хозяином, коли не больше. А это воля хозяйская — давать сверх договору. Уж это за ухватку за мою. А ежели тебе обряд мой не по нраву — это опять дело хозяйское. — И соврал тут Ермил: сказал, что хозяин дарил его не деньгами, а одежей.

Нечего сказать Ивану. И приятно ему, что Ермилом доволен купец, и прискорбно, как

поглядит на малого. «Ну, — думает, — за соху возьмется, форс-то с него скоро соскочит. Обойдется как-нибудь».

Пошли они в трактир, напились чаю с калачом, выпили водки. Иван и говорит Ермилу:

— Иди ты, Ермила, покамест к купцу, забирай расчет да укладывай худобу, а я тем временем на базар сбегаю: бабы наказывали пряжу продать.

Взял мешок, пошел на базар с пряжей.

Что тут делать! Воротит душу у Ермила, не хочется сходить ему от купца, отвык он от крестьянской работы. Поднялся он в горницы, постоял-постоял он в сенях, махнул рукой и не пошел к хозяину. Сел за воротами, сидит — подсолнухи луцит.

Иван на базаре еще выпил водки. Идет оттуда веселый, под мышками новую палицу тащит, в мешке — бублики ребятишкам да две свистульки. Пряжу продал хорошо.

Увидал его Ермил, повернулся от ворот, пошел в конюшню. «Ну, — думает Иван, — Ермил, должно, собрался, за воротами меня поджидал». Присел сам за воротами; ждет — нету

Ермила. «Что, — думает, — за оказия». Пошел, разыскал.

— Собрался, что ли? — говорит. — Давай мешок-то, я туда палицу положу. Ей способней в худобе лежать. Взял деньги? Много пришлось?

Сопит Ермил, молчит. Понял Иван, что малый замудрил; взяло его сердце. Хмель ему в голову ударил, закуражился он, закричал на брата. Пошел сам к купцу. Маленько погодя позвали и Ермила в горницы.

— Вот что, Ермил, — говорит ему купец, — делов у меня летом мало, а тебя вон брат требует, артачится. Я этих пустяков не люблю. К зиме приходи — опять возьму: ты малый ухватистый. А теперь иди с господом ко двору.

Выплатил, что причиталось, отпустил их. Нечего было делать Ермилу. Собрал он свою худобу. Взвалил на плечи и пошел скрепя сердце за братом.

На фоминой выехали братья пахать. Обул Ермил лапти, вздел посконную рубаху, — походил за сохой. Сперва одышка брала, поясницу ломило, потом обошелся — ничего, легко ему сделалось пахать.

Однако не лежала его душа к крестьянской работе. Отлынивать не отлынивает, а все прежнюю жизнь вспоминает.

Сядут в праздник за стол. Нарезет Иван хлеба, нальет баба щей. Хлеб горький, с лебедой, щи пустые, молоком забелены. Хлебает Ермил, а сам думает: «Эх, у купца-то теперь щи с убоиной, каша с маслом!»

Зачали мужики пар метать, зацвела рожь, овес выровнялся, в трубку пошел. Дожди перепадает вовремя, теплынь стоит. Сходил Иван на полосу, поглядел, заиграло в нем сердце.

— Благодать господь посылает, урожай, — говорит Ермилу.

Молчит Ермил, крюк облаживает. Осерчал на него Иван.

— Ты, — говорит, — ровно чужой, Ермил.

Ты бы поопасался маленько. Весь мир крещеный радуется, а тебе словно и дела нет.

— Экая невидаль! Зиму прокормимся, а там опять зубы на полку. Корысть-то не велика.

— А ты чего захотел? Не велика корысть. Экое слово сказал. С жиру-то, малый, люди бьются. Ты на миру живи, не как иные прочие, а как люди живут.

Ничего Ермил не сказал на эти слова. Повернулся от Ивана, пошел под навес, зачал косу отбивать.

Видит Иван — подеялось что-то с братом. Работает как следует, пашет, косит, а нету веселья в его работе. На словах неозорной, из послушанья не выходит, а нет промеж них прежнего ладу. Не свой человек Ермил в дому; словно чужак воротился он от купца. «Надо женить малого», думает Иван.

А у Ермила свои мысли. Присматривается он к мужикам и видит — большая от них пожива денежному человеку. Видит — пристигнет мужика нужда, он так и лезет в петлю к денежному человеку. Продает дешево, покупает дорого. Видит Ермил — и кабатчик опу-

хает от мужика, и свой брат, мироед, опухает, и купец. «Эх, кабы мне деньги, — думал Ермил, — наворочал бы я делов!»

Придет праздник; иные ребята к девкам норовят — песни играть, а Ермил держит в уме другое. Прислонится к старикам и слушает. Почем мука на базаре, почем соль, за сколько мужик борова продал: все ему нужно. Все примечает и раскладывает в мыслях. Из лица стал угрюмый, задумчивый, на людей прямо не смотрит: опасается, как бы мысли его не прочли. А сам про себя думает: «Эх, кабы мне сотняжку какую раздобыть, натворил бы я делов!»

Подошли спожинки. Убрались мужики с поля, намолотили новой ржи, отдохнули на чистом хлебе. Девки на посиделки зачали собираться. Пошли по селу песни. Кабатчик целую сорокоушку припас к покрову.

— **Н**адо нам малого женить, — говорит Иван своей бабе.

Согласна и баба; ратнице попритчилось: как муж помер, словно свечка стала таять, ребяташки все мелюзга, тяжело ей одной домом править, не способно. Купили боровка; стали смекать, откуда денег добыть на свадьбу. Свез Иван на базар четыре воза ржи да овса семнадцать четвертей, выручил деньги отдал, что причиталось оброку, купил соли, купил рукавицы, купил по платку бабам, — осталось у него пять целковых. Мало на свадьбу. Поговорили они с бабой и решили так: Ермилу женить, а Иван поблизости заложится к чужому барину, проживет у него зиму в работниках. Стали Ермилу пытаться. Зачала Иванова баба вздыхать, на жизнь на свою роптаться.

— Все мои косточки, — говорит, — изныли от работы. Корову подои, борову замеси, мужиков обряди, ребят накорми. Выйдешь в поле вязать, разве угоняешься за двумя крюками; невестка хвораая, какая от нее работа. Стадо пригонит — некому скотину встретить.

Петровками куцию яркую насилу разыскали, все село, почитай, обегали за каторжной. Молчит Ермил, будто и не его дело. Послушает-послушает Иван, поведет и сам речь обиняком.

— Не способно одной бабе, — скажет, — неуправка.

А Ермил об одном думает: «Зачнется теперь у купца ссыпка, пропасть он денег награбит. Год хороший, праздники подошли, оброк выгоняют: мужики так и попрут на базар, так вал валом и повалят. Эх, кабы мне деньги!»

Видит Иван, что у Ермила уши заткнуты, говорит ему напрямки:

— Ты бы, Ермил, поопасался маленько. Бабе не надорваться. Год хороший, надо бы и сватов засылать. Есть что ли на примете? Вот Дунька Павликова — куда работяца девка.

Ермил потупился в землю, молчит.

— Чего груши-то околачивать, — говорит Иван, — ты малый в поре: двадцать третий год с Егорья пойдет. Телок порядочный. Я как-никак проживу зиму в людях, а ты женись. Небось всякая пойдет. Мы не какие-нибудь.

Скотина есть, вот борова кормим, муки до новины за глаза хватит.

Тряхнул Ермил висками, скосил глаза и говорит:

— Я, — говорит, — к купцу пойду.

— За каким рожном?

— Жить.

Осерчал Иван и не нашел что сказать. Плюнул, схватил шапку, пошел, сел на зава-linkу — сидит, глядит на улицу.

Тем местом собрал Ермил свой обряд, вздел сапоги-вытяжки, выломил палку, говорит Ивану:

— Я пойду. Коли нужны деньги — накажи с мужиками. Али сам приедешь?

Взяло Ивана зло. Отвернулся он, хоть бы слово Ермилу.

Иванова баба посконь на гумне стлала. Отыскал ее Ермил.

— Прощай, — говорит, — невестка!

Увидала она его с мешком да с палкой, вытаращила глаза, побежала к мужу.

— Аль вы поругались? — кричит. — Куда Ермил-то собрался? Что вы, черти, белены, что ль, объелись, пропасти на вас нету. Жили,

жили все ладно, мирно, а тут — на-ко!

— Пускай! — говорит Иван. — Ему хлеб мужицкий горек. Пускай сладкого попытает. Так-то оно лучше.

Однако баба урезонила Ермила: остался он на покров. Отгуляли праздник, не стал Иван перечить малому: запряг мерина, отвез Ермила в город.

VIII

И пошло все по-старому. С мужиками Ермил грызется, кули зашивает, купцу угождает всячески. Способно ему в этих делах. Словно рыба в воде хвостом виляет.

Видит купец, ссыпает Ермил рожь и отмечает вес цифрами.

— Аль, — говорит, — научился?

Ухмыляется Ермил.

— Так точно, — говорит, — ваше степенство. Я и слова писать могу.

Посмотрел, посмотрел купец. Набавил ему два целковых в месяц.

— Старайся, — говорит, — труды твои за мной не пропадут.

И прожил Ермил у купца зиму, прожил лето, осень пришла, сровнялся круглый год его житью. Остался он на другую зиму. Иван перемогся, махнул рукой на Ермила, принанял работника.

И чем больше живет Ермил у купца, тем все больше разгорается.

Спит он и видит, как бы ему разбогатеть. И так, и этак ломает голову. «Только бы начать

мне, — думает, — только бы мне сотняжку какую наковырять; а уж там я пойду, с сотней-то я наворочаю делов». И смотрит он — иные молодцы прихватывают у хозяев, достают себе денег на баловство: то лишний расход покажут, то сбудут из амбара хлеб на сторону. Сбивают и Ермила на такие дела. Ермил подумал, — не вошел в согласие с молодцами. «Буду я, — думает, — с ними заодно — делиться придется, им на баловство деньги нужны, мне — на торговлю. Сем-ка, я один попробую...» И вошел он в большую зависть; приспособил человека, начал овес ему сбывать от хозяйских лошадей. Переправил мешок, улучил время, пошел за деньгами.

— Какие тебе деньги? — говорит человек.

— Аль не знаешь какие? За овес!

— Ты его сеял, овес-то?

— Я хоть не сеял, а деньги подай!

— А в острог хочешь?

Испугался Ермил — закаялся воровать.

Пришла зима, опять его купец за кучера начал сажать с собой. Ездит по базарам, по господам, нонче тут поживут дня три, завтра — там. Купеческие обозы день и ночь во-

локутся в город. Ермил из сил выбивается. Встанет чуть свет, лошадей напоит, овса засыплет, отопрет амбар, меры изнутри кирпичом вычистит, весы приладит. Купец напьется чаю и пойдет по базару; сторгует у мужика хлеб, напишет мелом на спине цену и отошлет к амбару. А там уж Ермил знает свое дело.

И все бы хорошо, только сосет червь Ермила, хочется ему разбогатеть. Думал он сперва, что поверит ему купец расчет делать, и придумал так: «Возьму от купца деньги, схороню где-нибудь в потаенном месте, скажу — обронил». Однако боялся купец, что Ермил прошибается в счете, не доверял ему денег.

Думал Ермил с мужиками как-нибудь съякшаться — страшно. Начнут кули набивать, окажется провес, засудит его купец. Да и мужики неизвестные, — как на них положиться? Так до поры до времени ничего и не удалось Ермилу.

Вот раз едут они дорогой. Небо белое, поле белое, по бокам вешки натыканы, подрезавизжат. Скучно сделалось купцу. Запахнул он шубу, прилег на подушку, заснул. Глядит Ермил, видит — кругом чистое поле. По сугробам поземка крутится, облака низкие, пухлявые, снежок перепархивает. Купец выставил брюхо; лежит навзничь, свистит носом. Подумал Ермил, и страшно ему сделалось своих мыслей. Прыгнул он из саней, пустил лошадей шагом, а сам пошел за санями.

И думает: «Много денег с купцом. Ежели взять сотни три или четыре, и не хватится, пожалуй. А хватится дома, подумает, что прочелся». Крепко спит купец.

Зябко стало Ермиле. Пустил он лошадей рысцой — дорога ровная, гладкая, — бежит следом за санями, а сердце так и колотится в нем, так и бьется. Застилает ему жадность глаза. Сверлят в голове дурные мысли. «Такого случая ждать не дожидаться, — думает, — спит как убитый, и не опомнится, как вытащу деньги». И сделался Ермил из лица угрюмый,

злой. Приостановил маленько лошадей, вскочил на сани, полез к купцу за пазуху.

Очнулся купец, глянул на Ермила, обомлел.

— Что ты, — говорит, — пес, затеял?

Не вспомнил себя малый. Затряслись у него руки, помутилось в глазах, схватил он подушку и накинул на купца. Брыкнул купец раз, брыкнул другой, затрепыхался, — задохся. Испугался Ермил. Отнял подушку, видит — глаза у купца кровью налились, жилы вспыхнули, щеки синие, рот разинут — задохся до смерти.

Что тут делать? Глянул он, видит — кругом чистое поле. Лошади плетутся себе шажком, гужи скрипят, подреза визжат, снежком перепархивает. Все тихо. Полез Ермил к купцу за пазуху, вытащил деньги, отобрал пачку, которая потолще, отворотил лубок в санях, зачихнул туда пачку, а бумажник опять купцу за пазуху положил. И погнал в город.

Х

В городе сделалась большая тревога. Призвали Ермила, стали его тягать.

Только видят — помер купец ударом, денег с ним оказалось много — сколько-то тысяч. Начали было смекать: нет ли недостачи какой; бились, бились, записи настоящей у купца нет, колесо большое, и вышло так, что еще лишки оказались в деньгах. С тем и бросили.

И отпустили Ермила.

По весне купчиха собрала долги, продала хлеб, молодцов распустила. Порешила торговлю. Пришел Ермил за расчетом.

— Ты бы в кучерах у меня оставался, — говорит купчиха, — лошадей-то я других заведу, хороших. В пролетке будешь меня возить.

— Никак невозможно. Брат сердчает, велит сходить. У нас пахота, сев.

— Да ты ее брось, пахоту-то. Я тобой довольна. Ты малый тямкой. И с покойником ты ежал. Оставайся.

Отказался Ермил.

— Нам, — говорит, — по крестьянству никак невозможно. У нас земля.

— Ну, как знаешь.

Вынула рублевку, дала.

— Поминай, — говорит, — покойника.

А сама думает: «У другого бы, глядишь, згинули денежки, а он малый с совестью, все в целости доставил». Потом подочла, что ему следовало из жалованья, отдала и отпустила.

Дождлся Ермил ночи, слазил на сеновал, вынул из потайного места пачку с деньгами, засунул за голенище, закинул мешок за спину и пошел в село.

И повел он дело свое очень тонко. Деньги схоронил. Работал по-прежнему, от брата не отставал в работе. И все думал, как бы ему извернуться, темные деньги оказать, в оборот их пустить, в торговлю. И видит — растет у кабатчика дочь; девка дурная из себя, неаккуратная, злая, сидит день-деньской на крыльце, орехи щелкает, а войдет в избу — работнице проходу не дает, все лается.

У Ермила свои мысли. Ему до этого дела нет, что плохая девка. Повадился он ходить мимо кабака. Ноне пройдет словечко обронит, завтра — обронит. Девка и не смотрит на него. Знает, что малый из крестьянской се-

мьи, радости мало с ним связываться. У ней в голове женихи полированные: поповичи, пи-саря.

Видит Ермил — не берут его подходы, улу-чил время, пришел в кабак. Кабатчик был вострый мужик, сметливый, наметался на своем деле. Увидел Ермила, удивился: нико-гда Ермил в кабак не захаживал. Однако вида не показал.

— Чего тебе? — говорит.

Огляделся малый, видит — людей в кабаке нет.

— Я к тебе, — говорит, — Петрович, за большим делом!

— За каким таким?

— Отдай за меня Анфису.

Выпучил глаза кабатчик и говорит:

— Ты, малый, в уме? Поди проспись.

Ермил не сробел.

— Ты, — говорит, — поезжай в город, собе-ри обо мне слухи. Я всякое дело могу по торго-вой части. Хлеб ли ссыпать, аль опять купить, али другое что. Я грамотный. Что записать, что сложить на счетах — я все могу.

Сидит кабатчик, перебирает по столу паль-

цами, глядит на Ермила, усмехается во весь рот.

— Толкуй, толкуй, — говорит, — мне такой потехи давно не было.

Огляделся Ермил по сторонам, пригнулся к кабатчику и шепчет:

— А коли у меня деньги. Коли я тебя со всем потрохом куплю, если на то пошло.

Кабатчик так и вскинулся.

— Как так! Откуда?

Да как вспомнил, что помер Ермилов хозяин в чистом поле, как вспомнил, что большие с ним деньги были, сразу смекнул, какие деньги у Ермила. Развел в мыслях, видит — дело подходящее. Поглядел на малого, и малый ему показался.

Подумал, подумал.

— Много, — говорит, — денег?

— Шестнадцать сотенных.

— А не врешь?

— Покажу, коли не веришь!

— Волоки.

— Ну, нет, это оставь. Я шутки-то эти знаю.

Коли хочешь — приходи на заре, в огороды, — покажу.

«Тямкой малый, в рот пальца не клади, далеко пойдет», — подумал кабатчик, и еще больше показался Ермил.

Прокрался на заре кабатчик в огороды, при-
тулился в канаве, лежит. Видит: идет Ер-
мил, по сторонам озирается, как волк, и руку
за пазухой держит. Взглянул кабатчик из ка-
навы, машет ему и говорит, сильным голосом:

— Принес?

А Ермил все озирается. Заглянул в канаву,
пошел по огородам, заглянул, — видит, нико-
го нет.

— Ну, — говорит, — лежи, — принесу.

— Да ты что ж руку-то за пазуху запустил?

— Это я так. Попытать тебя захотел. Мо-
жет, ты привел кого.

«Ну, — думает кабатчик, — вострый па-
рень, таким только и деньги наживать!»

Принес Ермил деньги, показал — точно
шестнадцать сотенных.

Раззарился кабатчик.

— Засылай, — говорит, — сватов.

Только этим Ермил не обошелся, измыс-
лил другую штуку. Поехал в город, пришел к
прежней хозяйке и говорит: так и так — уви-
дал наш кабатчик, что я грамотный, к торго-

вой части приоброк у вашего степенства, — отдает за меня дочь и зовет к себе в зятя. Кабатчик богатый, да больно девка из себя дурна.

И просит у купчихи совета: не то идти ему в зятя, не то нет.

— Как вы наши хозяйева, — говорит, — на вас одна надежда. Народ мы темный, деревянный. Вам виднее в этих делах.

Купчихе как маслом по сердцу такие слова. Насупилась она, стала разводить мыслями и говорит:

— Богатый ейный отец-то, говоришь?

— Зажиточный. Надо полагать, не одна тысяча в кармане.

— И девка, говоришь, одна?

— Одна как перст.

— А из себя дурна?

Ермил только головой покрутил. Подумала купчиха и рассудила:

— Ну что ж, — говорит, — Ермилушко: с лица не воду пить, а от своего счастья убежать не следует. Мой совет — идти тебе в зятя.

Вынула из сундука старую шаль, дала ему.

— Невесте, — говорит, — подари.

Бухнулся ей в ноги Ермил, справил что нужно в городе, поехал в село. Едет да думает: «Замел я теперь следы».

И точно замел. Кабатчик, не проживя года, помер.

XII

Тем временем объявилась народу воля. Вышел Ермил в купцы, взял у своего прежнего барина мельницу, большими делами начал ворочать.

Жизнь его словно колесо покатилась. Там купит, там продаст. Купит дешево, продаст дорого. И только об одном думает, как бы ему еще больше разжиться. Справил себе тележку, завел быструю лошадь, летает из села в село.

— Ты себе, Ермил Иваныч, и покою не знаешь, — говорят ему люди.

— Волка ноги кормят, — говорит.

И точно схож стал Ермил на волка. Волк носом падаль чует, а Ермил нужду людскую чует носом. Где ни объявится нужда, уж он там. Продают мужицкую скотину за недоимки — Ермил первый приедет на торги — и все за полцены закупит. Сгорит деревня — Ермил тут как тут: открыт его карман для мужиков: станови избы, справляй подушное! А придет дело к расчету, Ермил, что твой огонь, оберет деревню. Придет чума, падает у мужиков ско-

тина, глядят — уж Ермил как снег на голову: тому корову всучит, тому телку, а придет дело к расчету — пуще чумы окажет себя Ермил.

Закаменело в нем сердце. Не было перед ним того горя, чтобы он содрогнулся в своем сердце. Не было в нем жалости. Целковый ему попадет, он целковый глотает, грош сиротский встретится — он и грошом не брезгает. На весь околоток распустил паутину.

Бьются мужики в этой паутине словно мухи. Плачется бедность на Ермила, клянет его за углами, а пристигнет нужда — кланяется Ермилу, по батюшке его величает, шапки перед ним ломает.

И не от одной людской бедности разжился Ермил. Разжился он и от неправды людской, и от слабости, и от темноты. Обокрадут где амбар, привезут к нему ночью ворованное на мельницу, — он не разбирает откуда, лишь бы сходно. Стали к тому времени кабаки вольные, зачал народ пить шибко. Ермил кабаков завел целый десяток. В расписках неустойки проставляет, прижимает неграмотных мужиков, тягает их по судам.

И такими делами скоро он разжился так,

что и счет потерял бы своим деньгам, если бы не помогла ему грамота. Мельницу в вечность купил, лабазы понастроил.

Едет иной раз дорогою, говорит сам на себя: «Умственный ты человек, Ермил Иваныч! Валит тебе счастье. Переедешь ты, маленько годя, в город, заведешь знать с купцами. Большой тебе будет почет от людей».

И люди много по своей простоте прощали Ермилу за его богомольность. Службы церковной он не пропускал; свечи ставил толстые, по четвертаку на тарелку клал, когда полтину, а когда и больше.

XIII

Видит Ермил — колесо у него большое, дела широкие. Нельзя ему стало из дома отлучаться. Во всякий день волокутся на мельницу обозы; толчея гремит — пшено толчет: надо в ступы краски подбавить, чтоб товар лицом выходил; кружатся жернова, рожь перемалывают: надо следить, кому какая мука нужна, — мужикам похруще, в Москву — помягче; в свинятниках свиньи чавкают, в сараях быки стоят, к колодам привязаны; на пруде в огороже гуси гогочут, утки квачут. Все надо в сало вогнать, все надо откормить на убой, порезать, побить, ощипать, опалить, в туши убрать. За всем нужен хозяйский глаз.

Руки у Ермила длинные, глаза зоркие — сел он сам на мельнице, распустил по округе молодцов. И где прежде не управиться было Ермилу, все теперь зацепилось в один невод. Мужики ровно караси затрепыхались в Ермиловых сетях.

И все было бы хорошо, только не было детей у Ермила. Анфиса совсем опухла от сладкой жизни, колода колодой сделалась.

В доме у ней непорядки, везде грязь, нечисть, работницы не уживаются; сначала, как не доходили Ермиловы глаза, — все ему было ничего.

Покричит иной раз на жену, даст ей тумака и скроется опять по своим делам. Но как осел на месте, видит — из рук вон плохая баба Анфиса. Взяло его зло. Принялся он ее бить. Из синяков не выходит баба.

Сделалось горько Анфисе. Умом она была слабовата. Слова хорошего отроду не слыхала ни от кого. Отец только о том и думал, как бы денег побольше нахапать. Как жива была мать — только и норовила, что сытно съесть да сладко выпить. Так Анфиса и понимала об жизни. «Мужик, — думает, — пусть себе деньги добывает, а я — баба — буду с ним спать, детей рожать, сытно есть, сладко пить и обряжаться».

И как начал бить ее Ермил, подумала, подумала она, — принялась тайком от него водку пить. Напьется, рассолодеет в теле, заляжет ничком в пуховики, — хоть убей ее Ермил, ей все равно, ей пьяной — море по колено. Плюнет Ермил, потемнеет со зла, а сде-

лать ничего не может.

Однако на пятом году родился у них сын, а после первого родился еще сын. Ермил поднялся духом. Если и прежде был он жаден, то как родились дети, совсем остервенился. Ему дела нет, что и у людей есть дети. Он только о том и думает — у людей урвать, а своим детям барское житье изготовить. «Поставлю, — думает, — ребят на ноги, в господа их выведу. Пусть люди глядят, каковы у Ермила сыновья».

XIV

Тем местом подошли плохие времена. Недород за недородом, мужики отощали, скотина начала выводиться, господа поразорились, купцы стали барские земли скупать. И всякий купец как сядет на землю, так и норовит свой круг завести. Тесно стало Ермилу, мало показалось ему наживы при новых порядках. Раза два случилось — так даже подставили ему ногу купцы, понес он большой убыток. «Нет, — думает, — не гоже дело, надо от огня подальше».

Навернулся на его счастье покупатель, продал он мельницу, переправил в Москву товар, выручил деньги и съехал в город. И оказалось у него денег пятьдесят тысяч.

И как переезжать Ермилу в город, пришел к нему брат Иван. Зипунишка на нем рваный, лыком подпоясан, лаптишки худые, из лица испитой, виски седастые.

— Что ж, — говорит, — брат Ермил, ты бы поопасался маленько. Посетил меня господь. Коровушка пала, лошаденку свели, старшего сына в солдаты отдали, землю твою душевую

старики по злобе на тебя отняли. Не то что подушное платить, и кормиться стало нечем. Сколько годов я к тебе и на глаза не показывался. Вот пришел. Помоги, ради Христа, вызволи из беды.

Сидит Ермил, лавка под ним сукном обита, из себя — щекастый, румяный, на шее цепь золотая, жилетка бархатная, сапоги лощенные, хоть глядись в них.

— У меня, — говорит, — у самого дети. Мне их надо произвести. Ты бы работал побольше, ан, глядишь, и не пришлось бы христорадничать. Ты отлынивай больше от работы-то!

Повернулся Иван, отер слезы, пошел домой скрепя сердце.

— Бог тебе, — говорит, — судья, Ермил Иванович.

Думал Ермил воротить брата, да загордился — не поднялся с лавки.

— Ишь, — говорит, — выискался какой. Словно за своим пришел. Небось не отвалилась бы голова в ноги-то поклониться.

Переехал Ермил в город. Купил дом. Хотел было хлебную ссыпку заводить, да видит — плохая стоит торговля. И думает, — что бы с

деньгами своими сделать. Посоветовался кой с кем из купцов, присмотрелся; видит — стоворились большие люди, собирают себе со всех концов деньги, раздают эти деньги купцам для оборота. И кто отдает этим людям деньги на руки, пусть сидит сложа руки: поплывет к нему барыш без всяких хлопот. И зовется этот барыш процентом, а люди, которые всем делом ворочают, составляют из себя банк. И таких банков на всю Россию много поткрывали купцы.

И думает Ермил, в какой ему банк деньги свои положить. Смекнул, видит — самое подходящее дело вложить деньги в такой банк, который больше всех дает барыша. И опять-таки не сразу вложил, а расспросил, как лучше.

— Чего ж тебе, — говорят Ермилу купцы, — воротила в этом банке — первостатейный купец, человек почтенный. Взял и вложил Ермил свои деньги в этот банк. И исполнилось его желание. Стал Ермил жить — время проводить точно так, как жил, время проводил богатый купец, его учитель; перенял Ермил все его привычки — и в еде, и в спанье, и в гу-

лянье: утром встанет, умоется, взденет лисью шубу и пойдет к обедне. Обедню отстоит, воротится, — самовар у него на столе, пироги пшеничные, лепешки сдобные. Наестся Ермил, напьется, отвалится от еды и пойдет в ряды на прогулку. Соберутся купцы в рядах, учнут шутки шутить, зазовут для потехи дурака какого-нибудь, заставят его песни играть, плясать, надрываются со смеха. Не то в трактир пойдут чай пить, машину слушать, о торговых делах толкуют. Придет Ермил домой, а уж на столе и жареное и пареное. И гусятина каждый день, и щи с убоиной, и каша с маслом, и водка, и квас. После обеда ляжет Ермил на пуховики — спит вплоть до вечерни. Выспится, напьется квасу, за ворота выйдет, примется орехи щелкать. И кто мимо ни пройдет — поклон ему отдает.

Зажирел Ермил от такой жизни. Брюхо отпустил толстое; тело у него стало рыхлое, дряблое, щеки отвисли, глаза — как у мерзлого судака. Сходит к обедне — упарится весь, придет словно из бани.

Пожил он так-то годика два, и пристала к нему скука. Бывало, спит-спит, очнется, сядет

на кровати: глаза так и застилает от сна. Велит работнице квасу подать. Выпьет квасу, опять нечего делать. Поболтает, поболтает ногами, зевнет раз десять, слезет с кровати, пройдетя по горнице, посмотрит — некуда ему деваться.

Разомнется, пойдет в ряды. Поглядит, поглядит — все по-вчерашнему в рядах. Тошно ему станет. Воротится, велит жеребца заложить, посадит Анфису, поедет на прогулку. Сидит Анфиса как бревно, одежда на ней дорогая, в ушах золотые серьги, а рожа пьяная, умного слова не проронит. Подумает Ермил, глянет искоса на жену, и того ему сделается еще скучнее.

— Ослаб ты, Ермил Иванов, — говорит на себя, — обмяк.

И думает: дай-ко я старину вспомяну. Выбрал час, пошел к себе в сад, взял косу у садовника, попытался косить. Упыхался — и ряда не прошел, бросил.

— Нет, — говорит, — не купецкое это дело. — А сам подошел к забору, глядит в щелку — не смотрит ли кто.

Спит, ест Ермил, — поест, опять ляжет спать. Проснется — не знает, куда девать себя. Скучает. Только об одном и думает, чем бы забавить себя.

И пустился в дурные дела. Забыл закон, забыл, что дети уж не маленькие, — Анфису бьет, вожжается с чужими женами. Начал вином зашибаться.

А тем временем случилось вот что: помер у одной бедной вдовы сын от горловой болезни, и она по великой своей бедности понесла продавать его одежду. Любила вдова своего мальчика, обряжала из последних и справила перед тем, как ему помереть, куртышку плисовую и плисовые порточки. Увидал Ермил вдову, раззарился на одежду. «Сем-ка, — думает, — я Ваську своего обряжу». Позвал ее, пощупал плис, видит — добротный товар, совсем еще новый. Однако не показал виду, что льстит на одежду.

— Сколько, — говорит, — тебе за рухлядь-то за эту?

— Какая же рухлядь, Ермил Иваныч? Оде-

жа новая. Только исправила, как помереть ему сердечному. Одного плиса на четыре рубля погнала. Если бы не нужда, и не думала бы продавать. Нужда-то моя горькая.

— Рассказывай. Разве по нужде справляют такую одежду? Небось бы и в посконной походил твой малый. Всякая голь транжирит деньги, а там и пойдет канючить по добрым людям. Ну, да что с тобой толковать, — хошь полтинник — бери, не хошь — пробирайся. Мне с тобой толковать некогда.

Подумала-подумала вдова: ходит она с одеждой с самого утра, придет домой, и поест нечего; утерла слезы, отдала Ермилу одежду. Бросил ей Ермил полтинник, позвал Ваську, велел вздеть куртышку.

Не прошло недели, заболел Васька горлом — помер.

Остался у Ермила один сын Ванька. Отдал он его в ученье — не пошло впрок ученье малому. Мать пьяная, отец — худыми делами занимается; смотрел-смотрел малый — вот, думает, буду неволить себя! Денег у отца много, небось и без ученья проживу, отец малограмотный и то капитал нажил, а мне на готовом и вовсе нечего неволиться, на мой век хватит. Подрос малый, подобрал себе друзей, заметил место, где отец деньги хоронит — таскает по мелочи на баловство себе. Видит Ермил — балуется малый, шляется по трактирам, заводит скандалы, взял потрепал его за виски. Озлился Ванька — еще пуще загулял.

Раз сидит Ермил в трактире. Стали купцы ведомости читать, и читают: лопнул тот банк, в котором Ермиловы деньги были вложены: запутался главный воротила в делах, размотал чужие деньги. Услыхал Ермил — не поверил купцам, взял в руки ведомости, посмотрел — позеленел весь с испуга. Сел на чугунку и поехал в тот город, где был банк. Справился, потолкался к тому, к другому — воротила в

остроге сидит, подручные его разбежались, денег нет. Заскрипел Ермил зубами. Пришел на постоялый двор, схватился за виски, хлопнулся оземь, заревел в голос. Воротился домой, как пьяный шатается.

Дома — сын балованный, жена ополоумела от водки, и потужить Ермилу не с кем. Поплелся он в ряды, видит — богатые купцы сторонятся, другим и вовсе не до него: у самих пропали денежки за банком. Горько стало Ермилу.

— Дай, — говорит, — пойду к купцу Склядневу; был я в силе — купец Скляднев первый мне друг был.

Подходит, видит, сидит купец Скляднев за воротами, выставил брюхо — греет на солнышке. Присмотрел Ермила, хотел в горнице скрыться, да не успел. Подошел Ермил, снял шапку, поклонился купцу Склядневу. Тот еле до козырька дотронулся.

— Вот, Фалалей Иваныч, — говорит Ермил, — беда стряслась. Посоветоваться к тебе пришел.

Почесал брюхо купец Скляднев, зевнул.

— Мне бы теперь недосуг толковать-то с

тобой, — говорит, а сам думает: не попросил бы денег взаймы.

Обидны показались Ермилу эти слова, да нечего делать, — стерпел.

— Как мне быть? Что мне, — говорит, — делать?

— Делай, что дураки делают. Дуракам закон не писан. Не льстился бы на большой процент — не плакали бы твои денежки. Жаден ты больно.

— От барыша-то и ты, Фалалей Иваныч, не откажешься. И в тебе жадности-то довольно.

— Прямой ты дурак и вышел! Я-то вот какой ни на есть, да богат, а ты — голь перекатная выходишь. Я, какие были лишние деньги, в казенный банк вложил: хоть меньше барыша, да тверже. А ты польстился, — вот и плачешься теперь на свою глупость.

— Научи, что мне делать-то? Присоветуй.

— А уж это ты смекай. Голова всякому дадена.

Помолчал, помолчал Ермил, поднялся и говорит:

— Ну, видно, прощай, Фалалей Иваныч; не чаял я от тебя таких слов!

— Не взыщи. Чем богаты, тем и рады.

Понурился Ермил, побрел домой. Выскочили собаки купца Скляднева — принялись брехать на Ермила. Купец Скляднев и собак не отогнал.

Ходит-ходит Ермил по горницам, думает-думает. Ляжет спать — не дается ему сон. Ночи долгие, подушка под головой горячая — никак не найдет себе покоя. Лежит под боком Анфиса, свистит носом, и горя ей мало. Ванька чуть дождется ночи, перелезет через забор, поминай его как звали. Пусто в горницах. Перед божницей лампада светится, смотрит Спасов лик с образа.

И представляется Ермилу — смотрит Спас к нему в душу. Обернется Ермил к стенке лицом, натащит на себя одеяло, лежит, молчит. Нет ему сна. «Эх, — думает, — потужить мне не с кем». И вспомнил, как жывал в мужиках. Случится с кем беда — не отступаются мужики, не сторонятся, как от чумного; работой иной не подсобит — на словах пожалеет: все легче станет на душе от доброго слова. Недаром молвится: на миру и смерть красна. «Эх, — думает Ермил, — худые люди в городах живут: богат ты — почет тебе всякий, обеднял — и вниманья своего не обращают на человека. Видно, не попусту сказано в город-

ской песне: все друзья-приятели до черного лишь дня. Нет в городе правды. Да вспомнил, как жил, как народ обижал, как брата Ивана опечалил, — и того скучнее ему делается. Разденет одеяло, посмотрит — в горницах пусто, перед божницей лампада светится, и глядит на него Христос строго, пасмурно. Сядет Ермил на кровать, схватится за виски, обливаётся горькими слезами.

Худо одно не ходит. Пока Ермил о пропаже своей убивался, пока раскладывал в мыслях, как бы ему из беды извернуться, да обдумывал свою жизнь — расшиб паралич Анфису. Сидел Ермил в саду, прибежали, сказали ему. Схватился он с места, побежал в горницы, увидал Анфису — весь затрясся. Не Анфисы ему стало жалко — вспомнил он, как хозяина своего удавил. Точь-в-точь Анфиса такая с виду. Запрокинулась навзничь, глаза кровью налились, жилы вспухли, щеки синие, рот перекосился. Обомлел Ермил, сел к сторонке и подняться не может: ноги подламываются.

Схоронили Анфису, остался Ермил с сыном Ванькой.

Продал дом, переехал на квартиру. Попы-

тался торговлю завести, ссыпал вагон ржи у мужиков. Видит — трудно ему, ослаб, отвык от дела. Посмотрел на Ваньку — плохой ему помощник. Да и мысли не дают покоя. Взял, продал ссыпанную рожь, собрал деньги, схоронил в сундуке. «Много, — думает, — греха нажито на веку, буду проживать помаленьку, буду спасаться».

Ходит Ермил к обедне, ходит к заутрене, ходит к вечерне, все колени себе намозолил от поклонов. Начал поститься, по одной просвирке на день есть, — чай да просвирку, только и пищи принимает.

Раз лежит он в постели — в горнице пусто, перед божницей лампадка светит, и грызет его тоска. Представляется ему — едут они с хозяином дорогой: поле белое, небо белое, по сторонам вешки понатыканы, подреза визжат. Не может лежать Ермил, сел на кровать — разрывается в нем сердце. И взмолился он богу: «Господи, — говорит, — сколько я поклонов отбил, сколько денег по церквам раздал, сколько свечей поставил, сколько обеден отстоял! Отпусти ты мои грехи! Пошли мне сон спокойный!» Стал перед образом, на-

чал поклоны класть. Положил поклоны, измаялся, прилег на кровать, задремал.

И слышит сквозь сон — зашуршало подле головы. Хотел глаза продрать, мигнул, опять задремал. И слышит сквозь сон — звякнуло, хлопнуло в горнице, затихло... Хотел проглянуть, одолела дрема, опять заснул. И вдруг слышит — крадется чья-то рука. Вскинулся Ермил, глянул: стоит перед ним Ванька в одних чулках, руку под подушку засунул. Содрогнулся Ермил.

— Что ты, — говорит, — пес, затеял?

Шарахнулся Ванька из горницы, скрылся. Вскочил Ермил с постели, сунулся под подушку, лежат ключи от сундука.

Вздул свет, отомкнул сундук, взглянул — так и ахнул. Денег нет, одна только завертка валяется.

Хотел Ермил бежать — ноги не слушают; хотел кричать — глотку перехватило, голову нет. Так босой и просидел подле сундука вплоть до зари.

Наутро поглядели люди на Ермила — был мужик черный как жук, а теперь поседел, и узнать нельзя. В одну ночь стал седой.

Ваньки из города сбежал, а маленько спустя дошли до Ермила слухи — словили Ваньку на худых делах, сослали в Сибирь.

Помолился Ермил к богу: «Господи! Пошли ты смерть по мою душу!»

Не послал ему бог смерти.

XVIII

Узнал Иван — стряслась беда с братом Ермилом. Вздел зипун, взял посошок в руки, засунул лопот хлеба за пазуху, пошел в город, разыскал Ермила. Видит — сидит на лавке старик, сгорбился, весь в морщинах. Прослезился Иван.

— Здравствуй, — говорит, — брат Ермил! Все ли здорово?

Вскинулся Ермил, ахнул, посветлел из лица, руки, ноги дрожат от радости. Сели, стали толковать. Видит Иван — и на человека стал не похож брат Ермил. Голос обрывается, по бороде слезы текут. Совсем расслабленный.

— Ты бы, — говорит, — Ермил, поопасался маленько. Убиваться грех.

Потупился Ермил в землю, плачет.

Поглядел-поглядел Иван, застигает ему глаза от жалости. Отвернулся, утерся полой, крякнул и говорит:

— Нечего тут толковать. Собирайся. Небось душевая-то твоя земля цела. Не съели ее. Ну-ка!

Послушался Ермил брата. Распродал свою

худобу, выручил сотенный билет, половину в церковь отдал, — другую половину брату Ивану, взял котомку за плечи и пошел с братом в село.

Ивановы дела поисправились. Племянника в зятя отпустил, девок выдал, сына женил, народились внучата, поставил он другую избу; кишит у него народ; жить бы ничего, да земли маловато. Родились ребята после ревизии, не полагалось на них земли. Взаяся Иван хлопотать, выставил старикам водки, выпоил красненькую, справились, не выписан Ермил из крестьянства, — отдали ему землю. Попытался Ермил за сохой походить, разломило поясницу, насилиу до двора доволокся.

И поселился он в клетки. Подсобляет бабам по хозяйству: когда резки намесит, когда помой вытащит, когда за водой сходит. На улицу глаз не показывает.

Выходил он сначала на улицу — загаяли его ребятишки. Как увидят, и ну кричать:

— Купец! Купец! Купи у нас возгрей на разживу!

Пройдет мимо Ермила баба, вспомнит Ермиловы обиды, не стерпит, сорвет сердце.

— Что, — скажет, — несытая душа, подавился? Заткнули тебе пасть?

И не стал Ермил показываться в народ.

Сперва, как пришел в село, облегчилась его душа. «Поживу, — думает, — на миру, отдохну от своих мыслей». Выйдет в поле, всякая былиночка его радует. Глянет на луговинку — «Вон, — скажет, — в ночное мы лошадей гоняли на луговину». Рад, что вспомнил. Встретится ракита у поворотка, и ракиту вспомнит.

XIX

Однако пришло время, и воротились к Ермилу муки. Встала осень. Ночи пошли длинные, темные. Ляжет Ермил спать — бежит от него сон. Прислушается — все тихо. В хлеву корова хрустит. В катухе боров спросонья о колоду чешется. На селе собака брешет; побрешет-побрешет — выть примется. Петухи закричат. Перевернется Ермил другим боком, и на другом боку не спится.

Представляется ему прежняя жизнь. Того по миру пустил, другого обсчитал, третьего обвесил, четвертого по судам затягал.

Скучно Ермилу. Отгонит одни мысли — другие пойдут на смену.

Представится ему — обит голубым глазом гроб, лежит в гробу сын Васька, носик заострился, из лица синий, на лбу венчик пристроен, обряжен в плисовую куртышку и в порточки. Дьячок стоит, псалтырь читает. Зажмет уши Ермил, уткнется лицом в изголовье. Не знает, куда деваться с тоски. Вскочит с постели, примется поклоны класть. Измается от поклонов, ляжет, задремлет.

И только спутаются в нем мысли, вдруг услышит сквозь сон — крадется чья-то рука к изголовью. Содрогнется, вскочит. Все тихо. Темно в клетке, прохладно. На колокольне часы бьют. Гудит колокол, ровно голосит.

Заснет Ермил. И мерещится ему сон. Кругом чистое поле. Лошади плетутся себе шажком, гужи скрипят, подреза визжат, снежок перепархивает. Лежит навзничь мертвое тело, рот разинут, жилы вспухли, глаза кровью налились. Смотрит Ермил во сне, видит — перекопился мертвец, приподнялся. «Что ты, — говорит, — пес, затеял?» Ахнет Ермил, закричит в голос, выскочит из клетки, трясется весь с испуга.

Бывало и так: разбудит людей своим голосом.

И пошли по селу слухи: душит-де Ермила домовою по ночам. Видит Иван — плохо приходит брату Ермилу. Запечалился. Все думает, как бы ему утешить Ермила.

Раз повестили Ивана на сходку. Сыскал Иван Ермила и говорит:

— Ну-ка, вздевай кафтан, пойдем на сходку. Нечего толковать-то. За тобой ведь тоже

душа.

Не послушался Ермил брата Ивана, вздел кафтан, взял посошок в руки, пошел. Подошли к мужикам, снял Ермил шапку, поклонился, притулился за спины, стоит, сторбился.

Погалдела сходка о своих делах, — слышит Ермил, заговорили мужики о земле. Своей земли стало в обрез, кругом стеснили купцы — взогнали цены, и не выговоришь сразу. И толкуют мужики — вот рядом барскую землю держит купец; земли много, угожья хорошие, купцу срок через полгода, хорошо бы снять эту землю миром. Хорошо, да трудно. Барин живет неизвестно где — одна беда.

Другая беда — купец барину деньги вперед выплатил, а у мужиков таких денег нету. Третья беда — некуда сунуться мужикам со своей темнотой, дело тонкое, хитрое. И близок кус, да не укусишь. Прислушался Ермил и вспомнил. Купил он раз у этого самого барина просо в рассрочку и высылал ему деньги в Питер. Вспомнил, хотел вызваться, хотел сказать мужикам, да не хватило духу, сробел. Так всю

сходку простоял, промолчал. Воротились со сходки, пошел Ермил в клеть, полез в котомку, достал старую запись, видит, означено там, где живет барин, на какой улице, какой дом. Все записано. Сказал брату Ивану. Узнали мужики, сбили сходку. Пошел и Ермил на сходку. Объявил, где барии живет, и опять притулился за спины. И говорят старики: «Пошлемте Ермила ходоком. Мужик он грамотный, смышленный, потрудится для мира». И поднялась тут галда. Кто кричит — обвесил его Ермил, кто кричит — судом деньги взыскал с него Ермил двойные, кто кричит — пошли Ермила ходоком, он и мир-то продаст, не задумается. Потупился Ермил в землю, ни слова не говорит мужикам; послушал-послушал, отвернулся к сторонке, заковылял ко двору как оплеванный. Идет и говорит на себя:

— Что, Ермил Иваныч, отливаются волку овечьи слезы!

Видят мужики, ушел Ермил со сходки — сделались тише. Вступился за Ермила брат Иван.

— Вы бы, — говорит, — старички, поопаса-

лись маленько. Ермила бог убил, нам его добивать не приходится. Грешен человек, что и говорить, да ведь без греха-то, старички, один бог.

Потолковали мужики — согласились Ермила ходоком послать. Заказали по селу слухов не распускать — храни бог, дознается купец, перебьет землю, — собрали четвертную денег, отпустили Ермила в Питер.

Обрадовался Ермил послужить миру. Где пешком, где на чугунке, дотянул до Питера, сыскал барина. Грамотному везде способно.

Барин был памятный. Вспомнил, как просо продавал, узнал Ермила.

— Что, — говорит, — скажешь, Ермил Иваныч?

Да глядит на него, — видит, изменился человек: из себя седой, весь в морщинах, обряжен по-мужицки. Удивился барин.

— Чтой-то, — говорит, — приключилось с тобой такое?

Поведал Ермил свое горе — как семья загибла, как деньги пропали, и говорит:

— По грехам моим наказал меня бог. Был я немилостивый, не взирал на людские слезы, обижал народ.

И рассказывает так и так: послали его мужики ходоком землю снимать. И как видел Ермил крестьянскую нужду, видел и купеческую жизнь — складно он выложил барину все дело.

И как рассказал, какая бедность в крестьянстве, какая теснота, какая обида от купцов — умилился барин. Полюбились ему Ермиловы речи. Сдал мужикам землю дешевле против купца; деньги рассрочил. Сделал бумагу, отдал Ермилу, отпустил.

И заиграло в Ермиле сердце. Пришел он на постоялый двор, лег спать: послал ему бог сон сладкий, спокойный.

Воротился в село, сбили мужики сходку, отчитался Ермил в деньгах, прочитал бумагу, что сделал с барином насчет земли. Не вспомнили себя мужики от радости. Всякое зло позабыли на Ермиле.

Выйдет Ермил на народ, видит — веселый народ, приветливый. Шагают ребятишки на Ермила, выскочат бабы, окоротят ребят, кланяются Ермилу.

И облегчилась Ермилова душа. Придет ночь, ляжет он на дерюгу, шевельнутся в нем мысли да и затихнут. И дает ему бог сон сладкий, спокойный.

Тем временем разобрали в суде банковые дела, учли остатки, присудили выдать вкладчикам. Пришлось на Ермилову долю три тысячи целковых. Прислали ему объявку из города.

Смутился Ермил, беспокойно сделалось у него на душе. Сон не дается, ворочаются прежние мысли. Подумал-подумал, пошел в город, получил деньги, отсчитал шестнадцать Сотенных, отослал купчихе неизвестно от кого; пошел в слободу, отыскал человека у мужика на задворках. Живет тот человек по-прежнему, учит детей грамоте и счету, имеет свое пропитание. Увидал его Ермил — удивился: никакой нет перемены в человеке: сидит на лавке обряжен в чистую рубаху, из себя костлявый, только виски стали седатые, — сидит и в книжку смотрит. Оглянулся на Ермила и говорит:

— Что тебе, старче, нужно? — Не узнал Ермила.

Напомнил ему Ермил, как грамоте приходил учиться, как отказался человек, как уве-

щал Ермила от жадности уберечься, как Ермил не послушался человека. И рассказал Ермил всю свою жизнь от первого и до последнего.

И растворилось сердце у человека, и просветлел он из лица. Плачет Ермил о своих грехах, и человек с ним плачет. И глядит на Ермила человек мягко, милостиво.

И сказал Ермил, что обдумал в своем уме. И одобрил человек его мысли.

И пошел Ермил по городу, по торгам, по базарам и стал оделять нищих. И пошел в острог, и пошел в больницы, и в заезжие дома, и в странноприимные дома, пошел в пригород к голытьбе, и всякий, кто нуждался, брал у Ермила деньги во Христово имя. И не осталось денег у Ермила даже и на фунт хлеба. И подумал он: «Пора!»

И пошел в собор, как отойти обедне, и видит, стал расходиться народ. Снял он шапку, влез на паперть, окоротил народ.

— Прислушай, — говорит, — народ православный! Великий я грешник... позарился на разживу — загубил человека, удавил купца в чистом поле. — Во всем покаялся.

Ахнул народ, содрогнулся. Иные испугались, домой пришли, как бы грешным делом в свидетели не попасть; другие осудили Ермила, потому что думали: дурак тот человек, который концы не хоронит. А многие пожалели Ермила. Услыхали полицейские, подошли, взяли Ермила, повели в острог.

В остроге захворал Ермил: тесно ему, тяж-

ко, дух спертый, вонючий, не переносен для старого человека.

Тем временем дошел слух до Ивана, побежал Иван в город, выручил брата на поруки, привез домой.

И пришла смерть к Ермилу.

Лежал он в клети, и одним днем сделалось ему очень трудно. Поманил он брата Ивана, молит, чтоб на улицу его вынесли.

День вешний; тепло на улице. Положили его на дерюгу, вынесли на улицу. И видит Ермил — обступил его народ, тужит по нем, жалеет. И понял Ермил, что простил его бог, и умилился. И сделался из лица светлый, радостный... и помер.

Примечания

В середине 80-х годов в Москве по инициативе Л. Н. Толстого возникло издательство «Посредник», выпускавшее книги для широкого народного читателя. «Посредником» в числе первых были изданы народные рассказы Л. Н. Толстого, написанные лаконичным, ясным, доходчивым языком, соединившие в себе обличение «зла» жизни и проповедь религиозно-нравственного учения.

В ответ на просьбу Толстого принять участие в работе для «Посредника» Эртель писал в Ясную Поляну: «О рассказе для народа я думал да боюсь, трудное это и обоюдоострое дело!.. Нужно самое ничтожное количество описаний, а они в крови у нас, у цеховых литераторов... нужно совершенное отсутствие рассуждений и монологов; нужно непрерывное развитие действия... и в конце-то концов непременно, во что бы то ни стало дидактическую цель, — вывод выпуклый и независимый от «рассуждений» Простота! Господи ты боже мой — да если я достигну простоты... этим все сказано... и излишни будут слова: та-

лант, художественность, эстетическое чувство и т. д. Но для этой простоты, о, как много нужно усилий! Право же, тут мало искренности, желаний быть простым и тому подобное...

«Обращаться к народу здорово», — говорили Вы... Несомненно. Но обратиться к народу мне приходится не одним желанием (это желание есть!) а и самой моей личной жизнью» (из письма А. И. Эртеля Толстому 24 сентября 1885 г. — В кн.: Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями, т. 2. М.: 1978, с. 185–186).

Преодолев выраженные в этом письме колебания, Эртель за несколько месяцев создает для «Посредника» «Повесть о жадном мужике Ермиле» и в начале 1886 года посылает ее рукопись Толстому. Познакомившись с нею, Толстой пишет руководившему издательством «Посредник» В. Г. Черткову: «Эртель прислал мне свой рассказ, предоставляя право сокращать, прибавлять и прося печатать (если годится) без имени. Рассказ по языку и правдивости подробностей и по содержанию хорош, но нехорошо задуман — распущенно и не отделан». Однако Толстой нашел, что «его

можно напечатать». (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 85. М., 1935, с. 307–308.)

Теперь трудно установить — сообщил ли В. Г. Чертков автору о критических замечаниях Толстого, приведенных в его письме, и внес ли Эртель какие-либо исправления в рукопись своего произведения. В 1886 году «Посредник» выпустил в свет «Повесть о жадном мужике Ермиле» с рисунками художника А. Д. Кившенко.

На этом связи А. И. Эртеля с «Посредником» не закончились. Осенью 1888 года В. Г. Чертков сообщил Толстому, что Эртель «очень сочувственно относится к нашим (то есть «посредниковским». — *К. Л.*) изданиям, много помог мне разными указаниями и готовится написать для нас рассказ весьма сочувственного нам содержания» (см. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 86. М., 1937, с. 174)

В октябре 1889 года Эртель принял предложение В. Г. Черткова написать для «Посредника» исторический очерк о Наполеоне и обратился к Толстому с вопросом: если б он теперь писал «Войну и мир», то изменился бы или нет его взгляд на Наполеона? Толстой отве-

тил: «Да, я не изменил своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу им» Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями, т. 2, с. 194) По неизвестным нам причинам Эртель не выполнил своего обещания В. Г. Черткову и очерк о Наполеоне не написал.

В 1891 году «Посредник» выпустил сборник «Рассказы Ивана Федотыча. Соч. А. Эртеля». В него вошли главы из эртелевского романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги», печатавшиеся в журнале «Русская мысль» в 1889 году. Открывается сборник рассказом «О том, как женился Иван Федотыч». За ним следуют еще семь коротких вещей.

Их рассказывает столяр Иван Федотыч, сектант, искатель правды — видная фигура романа «Гарденины». Критикой он был воспринят как образ последователя толстовского вероучения.

Толстой знакомился с содержанием сборника по рукописям. «Все истории, — писал он В. Г. Черткову, — мне очень понравились. Язык прекрасный, краткий и ясный...» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 86, с. 210). Эту оценку Толстой развил позднее в своем пре-

дисловии к роману Эртеля «Гарденины...»
(Там же, т. 37 М., 1956, с. 243–244).

К. Н. Ломунов

Тексты печатаются по изданию: Эр-
тель А. И. Собр. соч., т. I–VII. М... Моск.
книг-во, 1909.